

DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.2.148-154
УДК 572

Т.А. Чикишева

Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: chikisheva@ngs.ru

К вопросу о формировании антропологического состава неолитического населения Северо-Восточной Азии*

В статье предложена гипотеза о происхождении в составе неолитического населения территории Якутии антропологического компонента, характеризующегося высокой черепной коробкой. В других районах Восточной Сибири ни на одном археологическом этапе этот компонент не обнаружен. Комплекс всех известных неолитических черепов из Якутии монголоидный и сочетает в себе признаки байкальской и арктической групп антропологических типов. На основе анализа антропологических материалов и палеогеографической ситуации на северо-востоке Азиатского материка сделан вывод о том, что в формировании антропологического состава населения континентальных областей Северо-Восточной Азии принимали участие популяции Берингии – древней суши, занимавшей 25–20 тыс. л.н. часть акватории современных Чукотского и Берингова морей. Глобальное потепление и таяние ледников в конце плейстоцена – начале голоцена привело к повышению уровня Мирового океана, и Берингия была затоплена. Ее население мигрировало на сопредельные, не охваченные наводнением территории. По комплексу антропологических признаков популяции Берингии, вероятно, были близки к представителям тихоокеанской ветви монголоидной расы и могли иметь общую расогенетическую историю с носителями бойсманской археологической культуры. Эта культура существовала 7–5 тыс. л.н. Она была распространена вдоль побережья Японского моря от севера Корейского полуострова до залива Петра Великого. В основу исследования положены краниологические материалы ымыяхтахской, белькачинской и бойсманской культур. Межгрупповой статистический анализ выполнялся методом главных компонент в модуле STATISTICA 6.0.

Ключевые слова: Северо-Восточная Азия, Берингия, ымыяхтахская культура, белькачинская культура, бойсманская культура, тихоокеанская ветвь монголоидной расы.

T.A. Chikisheva

Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: chikisheva@ngs.ru

On the Origin of the Neolithic Population of Northeast Asia

A hypothesis regarding the origin of certain Neolithic groups of Yakutia is put forward. Neolithic crania from that region are Mongoloid and exhibit traits peculiar to present-day Tungus as well as to Chukchi and Eskoaleuts. Their distinctive feature is high braincase, seen nowhere else in eastern Siberia at any time. Samples associated with the Ymyiakhtakh, Belkachi, and Boisman cultures were compared using multivariate analysis. Based on skeletal and environmental evidence it is concluded that Neolithic inhabitants of northeastern Asia were migrants from Beringia – a land that had been submerged following global warming and the melting of glaciers in the Late Pleistocene and Early Holocene. Beringians were forced to migrate to adjacent areas. Cranially, they displayed a combination of traits peculiar to Pacific Mongoloids and were likely related to the Boisman people, who lived 7–5 ka BP along the Sea of Japan coast from northern Korea to Peter the Great Bay.

Keywords: Northeast Asia, Beringia, Ymyiakhtakh culture, Belkachi culture, Boisman culture, Pacific Mongoloids.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Введение

В комплексе антропологических особенностей краниологических материалов эпохи неолита из памятников северных областей Восточной Сибири (территории Якутии) обращает на себя внимание большая высота черепов. Даже если при измерении от базиона размер этого признака является средним по межгрупповому масштабу (в якутских краниологических материалах эпохи неолита не встречаются его низкие значения), высота черепа, измеренная от порионов, остается стабильно большой величиной. Впервые на эту черту обратили внимание И.И. Гохман и Л.Ф. Томтосова при исследовании краниологической серии ымыяхтахской неолитической культуры (II тыс. до н.э.) из погребений на р. Дириг-Юрях (притоке среднего течения р. Лены) и женского черепа из захоронения на стоянке Родинка-2 в низовьях р. Колымы, относящегося к белькачинской культуре (III тыс. до н.э.) [1992]. Двумя десятилетиями позже были изучены еще два черепа с такой антропологической особенностью: мужской из погребения Кёрдюген ымыяхтахской культуры (район средней Лены) [Чикишева, Поздняков, 2006] и женский из погребения сылахской культуры (IV–III тыс. до н.э.), обнаруженного под культурным слоем поселения Вилуйское Шоссе в Якутске [Дьяконов и др., 2003]. Мужские черепа, имеющие средневысокую черепную коробку, были найдены в 1950-х гг. в захоронении белькачинской культуры на могильнике Туой-Хая [Дебец, 1956] и в погребении на р. Бугачан [Якимов, 1950].

В целом морфологический комплекс всех известных на сегодняшний день неолитических черепов из Якутии монголоидный и сочетает в себе признаки байкальской и арктической групп антропологических типов. Предположения по его генезису сводятся к двум гипотезам: 1) специфические черты крупных расовых подразделений современного населения Восточной Сибири сочетаются в данном комплексе в исходной слабодифференцированной форме [Алексеев, Гохман, 1984, с. 34]; 2) совмещение признаков байкальской и арктической групп антропологических типов отражает вероятность соприкосновения или перекрытия на территории Якутии ареалов их формирования, что не исключает перманентного либо импульсного распространения отдельных групп носителей арктического комплекса за периферию своего ареала [Чикишева, Поздняков, 2006].

В данной статье предложена еще одна гипотеза об истоках антропологического компонента, характеризующегося высокой черепной коробкой, в составе популяций эпохи неолита на территории Якутии. Она основана на краниологическом материале неолитиче-

ской бойсманской культуры Южного Приморья, который дал информацию для реконструкции генетических связей населения Тихоокеанского побережья и северо-восточных внутренних областей Азиатского материка. Эта культура была распространена вдоль побережья Японского моря от севера Корейского полуострова до самой северной точки залива Петра Великого в интервале 7–5 тыс. л.н.

Краниологическая серия происходит из двух некрополей на поселении Бойсмана-2 (в бухте Бойсмана залива Петра Великого Японского моря), исследование которого было начато в 1991 г. А.Н. Поповым, выделившим бойсманскую культуру по материалам именно этого поселения [Попов, Чикишева, Шпакова, 1997]. В монографии, посвященной данному памятнику, опубликованы палеоантропологические материалы из первого некрополя (раскопки 1991–1992 гг.) [Там же], а позже – из второго, обнаруженного в 18 м к востоку от предыдущего и исследованного А.Н. Поповым в 1998–2000 гг. [Чикишева, 2003].

На всей территории Восточной Сибири, изученной пусть и неравномерно, но тем не менее повсеместно, ни на одном археологическом этапе не обнаружены другие ареалы антропологических комплексов с высокой черепной коробкой, кроме бассейна среднего течения р. Лены с ее притоками. Такие комплексы характерны также для носителей археологических культур и для современного населения Тихоокеанского побережья Азии. В данном исследовании методом сравнительного статистического анализа было проверено предположение о связи с этой территорией антропологического компонента с высокой черепной коробкой, обнаруженного в неолитических популяциях северных областей Восточной Сибири. Полученный результат не просто подтвердил правомерность такого рассмотрения антропологических данных, но и логично вписался в палеогеографическую ситуацию, в которой протекали начальные этапы генезиса населения северо-востока Азии и которая была одним из его важнейших факторов.

Материалы и методы

К сравнительному анализу были привлечены опубликованные результаты антропометрического обследования краниологических материалов эпохи неолита, раннего железного века и этнографической современности с территории Восточной Сибири, Дальнего Востока, континентального и прибрежно-тихоокеанского регионов Китая, Азиатского и Американского Берингоморья. Из неолитических материалов (помимо упомянутых выше с территории Якутии) использованы данные по следующим краниологическим сериям: китойской культуры из Забайкалья [Гераси-

мова, 1992], с верхней Лены и из Приангарья [Мамонова, 1973]; серовской с верхней Лены [Левин, 1956] и из Приангарья [Мамонова, 1980]; глазковской из Забайкалья [Левин, 1953; Гохман, 1954; Герасимова, 1992], с верхней Лены [Левин, 1956] и из Приангарья [Мамонова, 1973]; усть-бельской с Чукотки [Алексеев, Гохман, 1984], из могильника Сисяхоу в прибрежно-тихоокеанском Китае (по: [Алексеев, Трубникова, 1984]). Из материалов раннего железного века и Средневековья к анализу привлечены антропометрические данные по древним эскимосам Американского (могильники Ипиутак и Тигара) и Азиатского (могильники Эквен и Уэлен) Берингоморья [Дебец, 1986], носителям культуры плиточных могил и хунну Забайкалья [Алексеев, Гохман, 1984], носителям культуры мохэ (Троицкий могильник в Приамурье) [Алексеев, 1980]. Этнографическая современность представлена сериями азиатских (науканских) эскимосов, чукчей (оленных и береговых), северных китайцев [Дебец, 1951]. Также в анализ были включены неопубликованные данные по краниологическим сериям Японии, обследованным мной в 2001 г.: неолитической эпохи дзёмон, охотской культуры раннего железного века, айнов о-ва Хоккайдо и японцев конца XIX – начала XX в., уроженцев префектуры Тохоку (север о-ва Хонсю).

Межгрупповой статистический анализ выполнялся методом главных компонент в модуле STATISTICA 6.0. Распределение сравнительного материала анализировалось в пространстве двух первых факторов. Набор переменных включал следующие краниометрические признаки: черепной указатель (8 : 1), высотные диаметры черепа от базиса (17) и порионов (20), наименьшую ширину лба (9), скуловую ширину (45), верхнюю высоту (48) и общий угол вертикального профиля (72) лица, назомаллярный (77) и зигомаллярный ($\angle zm$) углы горизонтального профиля лица, угол вертикального профиля лба от назиона (32).

Результаты и обсуждение

Рассмотрим результаты распределения нашей совокупности групп в пространстве первых двух факторов, несущих 50 % дифференцирующей нагрузки и у мужчин, и у женщин. Параметры высоты черепа в мужской выборке сопряжены с углом вертикального профиля лба во втором факторе, тогда как в первом высокие и однонаправленные по знаку нагрузки объединили черепной указатель, ширину лица и углы его вертикальной и горизонтальной профилировки (см. *таблицу*). Практически такие же векторы дифференциации наблюдаются в женской совокупности серий, с той лишь разницей, что наибольшие по абсолютной величине координаты для высотных диа-

метров черепа и угла наклона лба сосредоточены в первом факторе, а диаметры и углы профилировки лицевого отдела – во втором (см. *таблицу*). Кроме того, черепной указатель у женщин не продемонстрировал значимой дифференцирующей силы.

Рассмотрим картину распределения групп в координатах двух первых факторов. Второй фактор разделил совокупность мужских серий на две части (рис. 1). Соответственно высоким нагрузкам на параметры высоты черепа и угол наклона лба в положительном поле графика распределились серии, морфологические характеристики которых в контексте предложенной Н.Н. Чебоксаровым классификации монголоидной расы* формируют комплекс ее тихоокеанской ветви: эскимосов Чукотки – древних из могильников Эквен (18)** и Уэлен (19) и современных (27), японцев префектуры Тохоку (28), северных китайцев (29), носителей культур дзёмон (15) и охотской (20), групп, оставивших могильники Сисяхоу (14), Бойсмана-2 (1), Кёрднюген (11), Усть-Белая (13).

Древние представители палеосибирской и байкальской групп антропологических типов континентальных монголоидов, а также некоторые древние и современные представители арктической расы – носители древнеэскимосской культуры из могильника Ипиутак (16), чукчи оленные (25) и береговые (26) – распределились оппозиционно в отрицательном поле графика. Серии из Дириг-Юреха (10), древнеэскимосской культуры из могильника Тигара (17) и айны о-ва Хоккайдо (24) заняли пограничное положение, но тем не менее ближе к пространству тихоокеанских монголоидов.

Если второй фактор объединил мужские неолитические черепа из Якутии с представителями тихоокеанских монголоидов, то первый, дифференцирующий

*В этой классификации монголоидная раса (или азиатский расовый ствол) делится на две ветви – тихоокеанскую (южная, дальневосточная и арктическая группы антропологических типов) и континентальную (группа северных или сибирских антропологических типов) [Чебоксаров, 1947, 1949, 1951]. Первая отличается от второй меньшей массивностью скелета, меньшими горизонтальными размерами мозговой коробки при значительно большей ее высоте, менее широким, менее высоким мезогнатным по вертикальному профилю лицом. К континентальным монголоидам относятся преимущественно народы Сибири, Центральной Азии и тунгусоязычные народы Российского Дальнего Востока. Почти все остальные народы Тихоокеанского побережья Азии от Чукотского полуострова на севере до о-ва Тайвань на юге, включая Сахалин, Алеутские, Командорские, Курильские, Японские острова, принадлежат антропологически к тихоокеанским монголоидам.

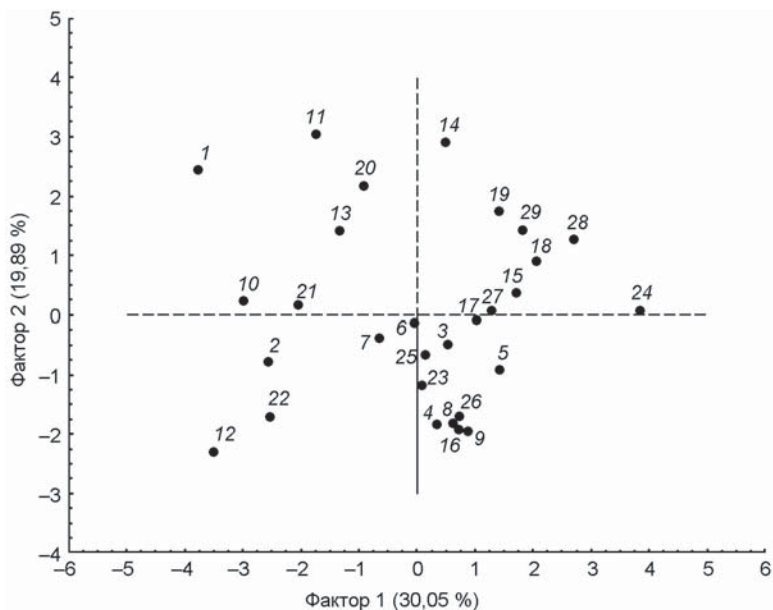
**Здесь и далее указаны позиции на соответствующих рисунках.

Факторные координаты переменных для мужской и женской совокупностей групп

Признак	Мужчины		Женщины	
	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 1	Фактор 2
8 : 1. Черепной указатель	-0,638	-0,140	-0,247	-0,184
17. Высота черепа от базиона	0,131	0,843	-0,833	0,013
20. Высота черепа от порионов	-0,323	0,819	-0,917	-0,001
9. Наименьшая ширина лба	0,010	-0,188	-0,365	0,103
45. Скуловой диаметр	-0,783	-0,092	-0,241	-0,739
48. Верхняя высота лица	-0,429	0,233	0,465	-0,580
54. Наименьшая ширина носа	-0,430	0,145	0,150	0,177
77. Назомалярный угол	-0,725	-0,064	0,265	-0,519
∠zm. Зигмаксиллярный угол	-0,857	-0,309	0,032	-0,865
SS : SC. Симотический указатель	0,620	-0,444	0,751	0,372
32. Угол профиля лба	0,320	0,730	-0,752	0,319
72. Общий угол профиля лица	-0,589	0,191	-0,328	-0,585

Рис. 1. Распределение мужских групп в пространстве первых двух факторов.

1 – бойсманская культура; 2 – китойская культура Забайкалья; 3 – китойская культура верхней Лены; 4 – китойская культура Ангары; 5 – серовская культура верхней Лены; 6 – серовская культура Ангары; 7 – глазковская культура Забайкалья; 8 – глазковская культура верхней Лены; 9 – глазковская культура Ангары; 10 – Диринг-Юрях; 11 – Кердюген; 12 – Туой-Хая; 13 – Усть-Белая; 14 – Сисяхоу; 15 – культура дзёмон; 16 – древние эскимосы Аляски, могильник Ипиутак; 17 – древние эскимосы Аляски, могильник Тигара; 18 – древние эскимосы Чукотки, могильник Эквен; 19 – древние эскимосы Чукотки, могильник Узлен; 20 – охотская культура; 21 – культура мохэ, могильник Троицкий; 22 – культура плиточных могил Забайкалья; 23 – хунну Забайкалья; 24 – айны о-ва Хоккайдо; 25 – чукчи оленные; 26 – чукчи береговые; 27 – эскимосы азиатские; 28 – японцы префектуры Тохоку; 29 – китайцы северные.

анализируемую совокупность групп по параметрам лицевого отдела черепа, – с носителями бойсманской культуры (рис. 1).

В совокупности женских серий максимальные нагрузки на высотные диаметры черепной коробки и угол наклона лба находятся в первом факторе, разделившем на графике представителей тихоокеанских и континентальных монголоидов (рис. 2). Женские черепа из Диринг-Юряха настолько фрагментарны, что по ним не могло быть получено даже того комплекса признаков, который использован в данном анализе. Но череп из погребения Родинка-2 (7) попадает в одно поле с сериями бойсманской (1) и охотской (14) культур. Второй фактор, максимальные нагрузки в котором приходятся на диаметры лица

и углы его горизонтального и вертикального профиля, отделяет эти совокупности от других представителей тихоокеанских монголоидов – японцев префектуры Тохоку (22), айнов (18), носителей культуры дзёмон (9), группы из Сисяхоу (8). В отличие от мужских, женские серии древнеэскимосской культуры Аляски из могильников Ипиутак (10) и Тигара (11) попадают по координатам первого фактора в пространство континентальных монголоидов, которое оказалось довольно узким.

Итак, статистический анализ показал, что в формировании антропологического состава неолитического населения континентальных областей Северо-Восточной Азии принимали участие популяции прибрежно-тихоокеанского региона. Полученные ре-

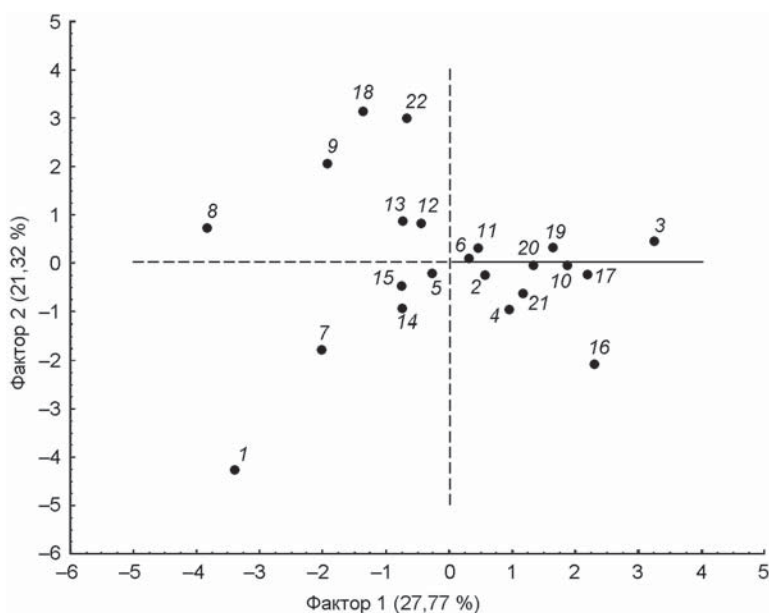

Рис. 2. Распределение женских групп в пространстве первых двух факторов.

1 – бойсманская культура; 2 – серовская культура верхней Лены; 3 – глазковская культура верхней Лены; 4 – китойская культура Ангары; 5 – серовская культура Ангары; 6 – глазковская культура Ангары; 7 – Родинка-2; 8 – Сисяхоу; 9 – культура дзёмон; 10 – древние эскимосы Аляски, могильник Ипиутак; 11 – древние эскимосы Аляски, могильник Тигара; 12 – древние эскимосы Чукотки, могильник Эквен; 13 – древние эскимосы Чукотки, могильник Уэлен; 14 – охотская культура; 15 – культура мохэ, могильник Троицкий; 16 – культура плиточных могил Забайкалья; 17 – хунну Забайкалья; 18 – айны о-ва Хоккайдо; 19 – чукчи оленные; 20 – чукчи береговые; 21 – эскимосы азиатские; 22 – японцы префектуры Тохоку.

зультаты могут быть интерпретированы в контексте палеогеографической ситуации, в которой протекали начальные стадии генезиса этого населения и которая была одним из его важнейших факторов.

В настоящее время установлено, что северо-восток Азии был заселен человеком примерно 35 тыс. л.н., т.е. на финальном этапе плейстоцена в последнюю ледниковую эпоху. Об этом свидетельствуют памятники дюктайской культуры, имеющие даты от 35 до 12,5 тыс. л.н. Они расположены на пойменных террасах рек Алдан, Лена, Олёкма, Вилюй, Витим, Индигирка. Наиболее северным дюктайским памятником является стоянка Берелех (71° с.ш.). Еще севернее (72° с.ш.) находится не связанная с этой культурой стоянка на р. Яна (в 120 км от ее устья), имеющая возраст 27,0–28,5 тыс. лет. Во внутренней части п-ова Камчатка на оз. Ушковском обнаружен многослойный памятник, где слои верхнего палеолита датируются от 14 до 10 тыс. л.н.

Возможность освоения верхнепалеолитическими людьми территории Евразии на уровне высоких широт допускает точка зрения (ее придерживается в настоящее время большинство гляциологов), согласно которой на финальном этапе плейстоцена материковые ледники не покрывали эту территорию сплошным покровом, а формировали несинхронные локальные щиты. Характерными чертами данной ледниковой системы были многокупольность, нестационарность, разомкнутость, проявлявшиеся даже во время максимума оледенения [Величко, Фаустова, 1989]. В зависимости от динамики оледенения люди мигрировали в более благоприятные условия.

Хронологический интервал 25–20 тыс. л.н. был временем последнего ледникового максимума. Об-

щий объем льда в указанный период реконструируется как наибольший для последней ледниковой эпохи (между 115–100 и 10 тыс. л.н.), в связи с чем предполагается, что уровень воды в Мировом океане был снижен, а часть акватории современных Чукотского и Берингова морей была представлена сушей. Эта суша привлекает внимание специалистов из разных областей науки с конца XIX в. Первоначально она ассоциировалась с «мостом», соединявшим северо-восток Азии и Аляску, по которому с одного материка на другой мигрировали растения, животные и люди. В 1925 г. П.П. Сушкин предложил для этой гипотетической земли название «Берингия» [1925], с тех пор закрепившееся за ней.

Во второй половине позднего плейстоцена существовала также шельфовая суша к югу от Берингова пролива – «Тихоокеанская Берингия». Ее климат смягчался влиянием Тихого океана и по побережью расселялись океанические и лесные элементы ее биотопов [Шер, 1971]. Собственно эта суша и рассматривается в палеогеографическом контексте как Берингия, центром которой являлся осушенный Берингов пролив – перешеек, соединявший Азию и Америку [Юрцев, 1976]. Для последнего ледникового максимума ее границы реконструируются по участкам шельфа Берингова моря, лежащим на глубине 90–100 м, и простираются в меридиональном направлении более чем на 1 000 км. Северная окраина Берингийской суши соотносится с внешним шельфом Чукотского моря (ок. 500 км севернее о-ва Врангеля), южная – с Алеутско-Командорской грядой [Кожевников, Железнов-Чукотский, 1995]. Современное положение береговой линии Северо-Восточной Азии рассматривается как состояние од-

ной из самых глубоких трансгрессий, имевших место в плейстоцене [Шер, 1976].

Ландшафт Берингии представлял собой холодные тундростепи с островками кустарника и березняка в поймах рек. Здесь обитали крупные млекопитающие: мамонты, лошади, бизоны, мускусный бык, северный и благородный олени, антилопа сайга, дикий баран [Берман, 2001; Томирдиаро, 1976]. Подобное изобилие животных было основной причиной расселения человека на этой территории.

Глобальное потепление и таяние ледников в начале голоцена привели к повышению уровня Мирового океана, и Берингия была затоплена. Около 12,5 тыс. л.н. образовался Берингов пролив, соединивший воды Тихого и Северного Ледовитого океанов и разделивший американскую Аляску и азиатскую Чукотку. Примерно 10,5 тыс. л.н. сформировались современные очертания Берингова и Чукотского морей. К этому же времени относится смена в регионе холодного резко-континентального климата на более мягкий морской, повлекший изменения берингийских ландшафтов, которые уже не соответствовали условиям существования мамонтовой фауны [Томирдиаро, 1976]. Такие глобальные изменения не могли не привести к тому, что люди покинули прибрежные районы Берингии. Наиболее вероятное направление их миграции – на запад, в районы с привычным для них климатом и ландшафтом, т.е. в Северо-Восточную Сибирь. Черты этих людей и обнаруживаются в антропологическом облике населения III–II тыс. до н.э. на территории Якутии.

Мы не имеем скелетных останков берингийцев, чтобы непосредственно судить об их антропологических особенностях. Можно только строить предположения на основании данных об антропологическом составе населения территорий, сопредельных ареалу Берингии. К западу от него в Восточной и Южной Сибири на протяжении тысячелетий от неолита (мы располагаем краниологическими материалами начиная с VI тыс. до н.э.) до современности для краниологических комплексов характерна малая и средняя высота черепной коробки, к востоку – большая. Эта морфологическая особенность стала одним из определяющих признаков, дифференцирующих азиатских монголоидов на две ветви – тихоокеанскую и континентальную, в классификации Н.Н. Чебоксарова [1947, 1949, 1951].

Обнаруженная на неолитических черепках с территории Якутии большая высота черепной коробки связывает их краниологический комплекс с тихоокеанской ветвью монголоидного расового ствола, а древнейшими известными сегодня представителями этой ветви на Азиатском материке являются носители бойсманской культуры. Таким образом, антропологический облик берингийцев может быть реконструирован на основе неолитических материалов из могильника на поселении Бойсмана-2.

Заключение

Анализ антропологических материалов и палеогеографической ситуации на северо-востоке Азиатского материка дал основание для предположения об участии в формировании антропологического состава населения континентальных областей Северо-Восточной Азии гипотетических популяций Берингии – древней суши, занимавшей 25–20 тыс. л.н. часть акватории современных Чукотского и Берингова морей. В типологическом отношении эти популяции, вероятно, были близки к представителям тихоокеанской ветви монголоидной расы и могли иметь общую расогенетическую историю с носителями бойсманской археологической культуры.

Физическая антропология вряд ли ответит на вопрос, составляют ли бойсманцы общий антропологический пласт с населением затопленной Берингии. Молекулярная генетика в этом случае более перспективна. При анализе ДНК костных образцов, принадлежащих представителям неолитических популяций на территории Якутии и носителям бойсманской культуры, на фоне хорошо изученного генофонда современного населения Северной Евразии может наметиться пространственно-временной континуум, в котором связующим звеном могут стать гипотетические потомки берингийских мигрантов. Рано или поздно такое исследование будет проведено. В любом случае, в данной статье предложена гипотеза об антропологическом типе берингийцев, их судьбе и роли в формировании антропологического состава населения северо-востока Сибири, которая, надеюсь, будет полезна при реконструкции процессов этнокультурогенеза, протекавших в этом регионе.

Список литературы

- Алексеев В.П.** Материалы по краниологии мохэ // Палеоантропология Сибири. – М.: Наука, 1980. – С. 106–130.
- Алексеев В.П., Гохман И.И.** Антропология Азиатской части СССР. – М.: Наука, 1984. – 208 с.
- Алексеев В.П., Трубникова О.Б.** Некоторые проблемы таксономии и генеалогии азиатских монголоидов. – Новосибирск: Наука, 1984. – 129 с.
- Берман Д.И.** Тундростепи – вымершие ландшафты плейстоценовой Берингии // Российская наука на заре нового века: сб. ст. лауреатов конкурса РФФИ. – М.: Новый мир, 2001. – С. 242–248.
- Величко А.А., Фаустова М.А.** Реконструкции последнего позднплейстоценового оледенения Северного полушария (18–20 тыс. лет назад) // Докл. АН СССР. – 1989. – Т. 309, № 6. – С. 1465–1468.
- Герасимова М.М.** Черепки из Фофановского могильника (р. Ока, Селенга) // Древности Байкала. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1992. – С. 97–111.

- Гохман И.И.** Материалы по антропологии древнего населения низовьев Селенги // КСИЭ. – 1954. – Вып. 20. – С. 59–67.
- Гохман И.И., Томтосова Л.Ф.** Антропологические исследования неолитических могильников Диринг-Юрях и Родинка // Археологические исследования в Якутии. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 105–124.
- Дебец Г.Ф.** Антропологические исследования в Камчатской области. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 264 с. – (ТИЭ; т. 17).
- Дебец Г.Ф.** Древний череп из Якутии // КСИЭ. – 1956. – Вып. 25. – С. 60–63.
- Дебец Г.Ф.** Палеоантропология древних эскимосов (Ипиутак, Тигара) // Этнические связи народов севера Азии и Америки по данным антропологии. – М.: Наука, 1986. – С. 6–148.
- Дьяконов В.М., Шпакова Е.Г., Чикишева Т.А., Поздняков Д.В.** Погребение Вилюйское Шоссе в Якутске: палеоантропологические характеристики и предварительная датировка // Древние культуры Северо-Восточной Азии: Астроархеология. Палеоинформатика. – Новосибирск: Наука, 2003. – С. 65–90.
- Кожевников Ю.П., Железнов-Чукотский Н.К.** Берингия: история и эволюция. – М.: Наука, 1995. – 383 с.
- Левин М.Г.** Древний череп с р. Шилки // КСИЭ. – 1953. – Вып. 18. – С. 69–75.
- Левин М.Г.** Антропологический материал из Верхоленского могильника // Антропологический сборник I. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 299–339. – (ТИЭ; т. 33).
- Мамонова Н.Н.** К вопросу о древнем населении Приангарья по палеоантропологическим данным // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 18–28.
- Мамонова Н.Н.** Древнее население Ангары и Лены в серовское время по данным антропологии (к вопросу о межгрупповых различиях в эпоху неолита) // Палеоантропология Сибири. – М.: Наука, 1980. – С. 64–88.
- Попов А.Н., Чикишева Т.А., Шпакова Е.Г.** Бойсманская археологическая культура Южного Приморья (по материалам многослойного памятника Бойсмана-2). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1997. – 96 с.
- Сушкин П.П.** Зоогеографические области Средней Сибири и ближайших частей нагорной Азии и опыт истории современной фауны Палеоарктической Азии // Бюл. МОИП. Отд. биол. – 1925. – Т. 34. – С. 7–86.
- Томирдиаро С.В.** Арктическая лессово-ледниковая равнина как американско-азиатский мост и ее разрушение в голоцене // Берингия в кайнозое. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1976. – С. 78–88.
- Чебоксаров Н.Н.** Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии // ТИЭ. – 1947. – Т. 2. – С. 24–83.
- Чебоксаров Н.Н.** Северные китайцы и их соседи (исследования по антропологии Восточной Азии) // КСИЭ. – 1949. – Вып. 5. – С. 64–69.
- Чебоксаров Н.Н.** Основные принципы антропологических классификаций // ТИЭ. – 1951. – Т. 16. – С. 291–322.
- Чикишева Т.А.** Результаты исследования новых палеоантропологических материалов из могильника на поселении Бойсмана-2 (раскопки 1998–2000 гг.) // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 209–213.
- Чикишева Т.А., Поздняков Д.В.** Антропологическое исследование ымыяхтахского воина из местности Кёрдюген // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – С. 234–240.
- Шер А.В.** Млекопитающие и стратиграфия плейстоцена крайнего Северо-Востока СССР и Северной Америки. – М.: Наука, 1971. – 310 с.
- Шер А.В.** Роль Берингийской суши в формировании фауны млекопитающих голарктики в позднем кайнозое // Берингия в кайнозое. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1976. – С. 227–241.
- Юрцев Б.А.** Проблемы позднекайнозойской палеогеографии Берингии в свете ботанико-географических данных // Берингия в кайнозое. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1976. – С. 101–120.
- Якимов В.П.** Череп человека бронзового века из Якутии // Окладников А.П. Ленские древности. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – С. 189–195.

*Материал поступил в редколлегию 25.11.15 г.,
в окончательном варианте – 14.12.15 г.*